Литературный клуб «Северный огонек»

СЕНТЯБРЬ—80

Мне говорят

Мне говорят: «Дружок, послушай,
Довольно шляться на Парнас.
Ты, вроде, знаешь нашу душу,
Так напиши стихи про нас.
Без лишних, знаешь, выкрутасов.
Уж скажи нам эту честь.
Пусть ты не Пушкин, не Некрасов,
А все ж поэт, какой ни есть.
Чтобы были мы в стихах живые,
Чтобы узнать себя могли,
А то везде, хоть не святые,
Так разом кряду — короли
Зачем о нас писать такое.
Кому? Какая польза в том?
Ведь кто мы есть, чего мы стоим —
Ответ дадим своим трудом».
Язык труда горяч, я знаю,
Покоя горячей в сто раз.
И если и стихи слагаю,
Товарищи, они — о вас.
Уже какую пятилетку
Мне «вира-майна» — турбобур.
Ревную сам себя нередко.
Кто я? Поэт или помбур?
И не совру я ни на волос,
Сказав, что я у вас в долгу.
Простите, лучше не могу,
Пою, как бог поставил голос.
Но вашу просьбу берегу,
Ею живу и беспокоюсь.

Николай СОЧИХИН:

* * *

Подули ветры с севера,
Погнали тучи серые.
И на дворе одно и то ж —
Все дождь и дождь.
Все дождь.
Продрогшие прохожие
Бранят проделки божьи.
А сырость сводит их
с ума.
Скорей бы уж зима!

Но с голубого донышка
Вдруг улыбнется
солнышко.
И засияет все окрест,
И нет чудесней мест.
А мы идем по улицам,
Мы городом любуемся.
И сердцем чувствуем
верней,
Что нет его родней.

Творческий отчет

* * *

Прощай,
моя спецовка,
Теперь до сентября.
В парадной облицовке
Поеду в отпуск я.
Поеду к морю Черному,
Ну, скажем,
в Геленджик,
Соленому, просторному,
И сразу в море в-ж-ик!
Заплыть бы на середку.
Да, видно, побоюсь.
И все же,
как селедка,
Я в море просолюсь.
И на песке
горяченьком
Займусь, как головня,
Чтоб дома сибирячки
Глазели на меня.

О километры, километры,
Родной заснеженной земли!
Опять заговорили ветры,
Снега и встали, и пошли.
Пошли стеною, вал
за валом
На лес, на трассы, на дома
Друзья, поднятые авралом,
За дверь — и поглотила тьма.
И там во тьме,
под хохот вьюги,
Забыв все начисто слова,
Порой лишь крякнув
от натуги,
Грузили «мелочь» в кузова.
До слез впиваясь
в тьму глазами,
Как будто уходя на бой,
Они в кабины залезали,
Захлопнув дверцы за собой.
«Уралы» рвали с места
с ревом.
Один... Другой...
Пропал... Нечет...
Туда, где в вареве багровом,
С сердцебиеньем нездоровым
Ждали подмоги КНС.

И ТЕПЛОТА, И НЕЖНОСТЬ

Вот уже десять лет радует сургутян, и юных, и постарше, светлая и чистая, как весенний ручеек, поэзия Николая Сочихина.

Возможно, кому-то его стихи покажутся слишком легкими или наивными. На вкус каждого читателя, как известно, не угодишь. Но в том-то как раз и самобытность Николая, что он под чей-либо вкус никогда не подстраивается. В каждой строке — он сам, она дышит его личным присутствием, она излучает его боль или нежность, его неистребимую любовь к родному краю.

Сочихин предан Сибири, людям, его окружающим, с ним живущим. Просто, бесхитростно, без излишней манерности и вычурности он и пишет об этом в своих стихах.

Мне не раз приходилось быть свидетелем, как любят сургутяне творчество Николая. На многих литературных вечерах, в общежитиях и школах, клубах национальных поселков и сел района не раз звучали его стихи.

Он продолжает трудиться на буровой, чтобы утверждать чистоту и правоту своих стихов не только на литературной странице, а в гуще производственной жизни, на самой передовой. И в этом — ответ на вопрос, однажды заданный Николаем самому себе в одном из стихотворений:

Жизнь многолика
и многоголоса.
Пусть ей совсем не до наших
вопросов.
Должен какой-то быть ориентир.
Кто я? Зачем я пришел
в этот мир?

Н. МАЙБОРОДА.

ПРАКТИКАНТКА

Она зашла на буровую,
Совсем от робости
светясь.
— Куда чистюлю
нам такую?
Ведь тут — аврал.
Тут шум и грязь.
Ах, ей бы выступать
на сцене
Или сниматься бы в кино.
— Видеть, себе не знает
цену, —
Меж нами было решено.
И вот уже раствора
пятна
На курточку ее легли.
Мы каждый день,
вполне понятно,
Ей помогали, как могли.
«Бурила» сам смотрел
за нею
Вполоборота головы.
Она, смущаясь и краснея,
К нам обращалася
на «вы».
У нас на «вы»
поблажек нету
И нету скидок
на портрет
Но, по какому-то секрету,
К девчонке потянулись
этой,
Как майские жуки
на свет.

Мой городок

Среди тайги безбрежной
Как в море островок,
Завьюженный
заснеженный
Стоит мой городок.
В своей красе неброской
И скромной, как нигде,
Под окнами березки,
В прическах — по звезде.

А в окнах словно
в скверах.
Цветы вовсю цветут.
Ах, в тех домах, наверно,
Снегурочки живут.
Их дедушки морозы —
Нефтяники, как есть.
О них в стихах в прозе
Летит далеко весть.

Пусть я еще не знаю,
Что будет впереди.
Ты, песенка лесная,
Живешь в моей груди.
И ласково, и нежно
Ты в жизнь вошел мою,
Мой городок заснеженный,
Как я тебя люблю!

С чего начинается мечта...

Жаворонок

В жаркий полдень, среди луга
Я один иду к реке,
Без товарища и друга
С хворостиною в руке.

Так вот, вышел изобум.
А зачем иду, не знаю,
И вовсю стихи читаю,
Что приходят мне на ум.

Уголок родной Сибири.
Солнце. Луг. Тальник. Река.
И, наверно, в целом мире
Нет такого уголка.

А из самых поднебесья
На земную благодать
Льется, льется, льется песня,
Хоть певца и не видать.

Ах ты, птичка-невеличка,
Гнездо вьющая в траве,
Несравненная певичка
С ходолком на голове.

Я соперничать не смею.
Что мой стих? — Лишь звук пустой.
Ты поешь. И я немею
Перед маленькой тобой.

Каргасок

* * *

Здравствуй, здравствуй, Каргасок.
Я — проездом: на часок.
Через улицу на пристань
Я иду наискосок.

Твой древесный сельский вид
Мою душу бередит.
Эта пыль прибрежных улиц
Много в памяти хранит.

Дай-ка, встану, постою,
Вспомню молодость свою,
Тех товарищей, что ныне,
Бог лишь весть, в каком краю.

Сколько нас без нам, без мам
Здесь жило по детдомам,
По глухим да по таежным,
По сибирским деревням.

— Эй, товарищ капитан,
Не подумай, что я пьян.
Просто я давно здесь не был,
Оттого в глазах туман.

Ты возьми уж на «Зарю».
Ведь не пьян я, говорю.
Ты причаль-ка в Усть-Чижапка.
— Проходи.
— Благодарю.

* * *

Скорей, скорей вставай с постели
И настежь распахни окно.
Как небеса поголубели!
Какие песни птицы спели!
Как греет солнышко давно!
А сколько лужиц на дворе!

Как тополек пушист и светел!
Прошла гроза. Унялся ветер.
Мир в небесах и на земле.
Уж то-то радость детворе!
А ты все спишь. А ты все спишь.
Скорей, скорей вставай, малыш!

ЯГОДНИКИ

В один из солнечных осенних дней, отложив на время все домашние дела, мы с другом Костей решили посвятить свой выходной прогулке по лесу.

Сойдя с попутной автомашины за урочищем Логовое и пройдя в сторону версты три с гаком, мы нашли довольно-таки привлекательное место, где, на наш взгляд, должны обитать разнообразные птицы. Соблюдая все правила осторожности, стали углубляться в лес, но уже через несколько десятков шагов остановились, затаив дыхание. Среди разросшегося кустарника хозяйничал необыкновенный ягодник. Подпрыгивая до верхушек, торопливо срывал ягоды глухарь. Он настолько увлекся завтраком, что не заметил нашего приближения. Но вот под ногой неожиданно хрустнула ветка, и глухарь, шумно замахав крыльями, улетел.

Утро было наполнено щебетанием птиц. Костя сказал: «Знаешь, в эту пору молодые птенцы учатся у своих сородичей скликаться в поиске пищи. Пройдем вон за тот ряч, там у меня есть «знакомые» глухари».

Его речь вдруг прервал рябчик, прямо из-под моего сапога взлетевший на сук ели. «Пи-и-и-ни-ти» засвистел он.

«Видать, молоденький, — догадался Костя. — В десяти шагах уселся, не боится, видишь, бруснику собирает».

Вдоволь побродив по лесу, мы уже возвращались домой и не подозревали, что нас ожидает новая встреча.

На березе сидел целый выводок тетеревов — шесть штук. Листва с березы опала еще неполностью. На фоне ясного неба и пожелтевшей листвы силуэты птиц видны были очень хорошо. Мы залюбовались картиной.

«Тоже лесные ягодники», — тихо прошептал мне Костя.

А. СЕРГЕЕВ.